

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН

АФИНА ПАЛЛАДА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Павел Девяшин
Афина Паллада

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Девяшин П. Н.

Афина Паллада / П. Н. Девяшин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98685-5

Разгар Кавказской войны, 1841 год. Пока русские войска принимают участие в жесточайшем конфликте, бойкий штаб-ротмистр Евгений Данилов прозябает в штабном тылу, мечтая о свершениях и сетуя на рутину «бумажных морей». Цепочка таинственных происшествий переворачивает жизнь молодого человека: в одном из разъездов погибает комендант крепости, начальник Евгения также убит... Герою предстоит разобраться в запутанном деле, найти настоящих друзей, встретить любовь. Коварный убийца всегда на шаг впереди! Кто погибнет следующим?.. Об интригующем приключении штаб-ротмистра Евгения Данилова на Кавказе читайте в романе «Афина Паллада».

ISBN 978-5-532-98685-5

© Девяшин П. Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Павел Девяшин

Афина Паллада

Глава первая

С широкого скалистого утеса, получившего от местных жителей прозвание «Камень», открывались поистине чудесные виды. Славная долина, окаймленная горными хребтами, красноватыми в робких лучах молодого солнца, увешанными зеленым плющом у основания и выбеленными снежной бахромой на верхушках. Внизу, по центру утопающей в дубравах низины, серебряной лентой вьется, сливаясь с холодными безымянными ручьями, река Сулак.

Пожалуй, не сыскать во всем Кавказе места живописней и отрадней. Всякий художник или поэт охотно заложил бы душу за краткий миг вдохновения, даруемый обозрением сих диких и дивных пейзажей. О, какое счастье оказаться на «Камне» в утренний час! Слышать сонное дыхание древних пород и дышать сладким, что мед, горным воздухом.

Но только не теперь! Сегодня, четвертого дня мая тысяча восемьсот сорок первого года, благословенную тишину разодрала канонада ружейных залпов. Ветер мгновенно развесил над утесом едкую гарь порохового дыма. В долине шел бой.

Плановый смотр недавно возведенной крепости, значившейся по документам военного ведомства как «укрепление Александровское», прервался дерзкой атакой горцев. Выстрелы прозвучали, едва генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса Александр Евгеньевич Головнин выступил на знаменитом иноходце перед выстроенным во фронт полком, намереваясь произнести пышную напутственную речь. Свита только и успела, что ахнуть, когда вокруг отчаянно засвистели пули. Отход генерала обратно в крепость – подальше от смертельной опасности – обеспечил жандармского корпуса подполковник Черемшин, единственный из офицеров сопровождения сумевший сохранить хладнокровие.

Солдат спешно развернули в боевую колонну – прикрывать отступление штаба. «Шишники» – как прозвали в императорской армии мюридов Шамиля – накатывались волнами, нестройно паля прямо с седла. Жители долины неподражаемо хорошо умели наступать рассыпным строем.

Эффект неожиданности быстро сошел на нет, через минуту русские ошетились ружьями пехотного образца 1808 года – старым, но все одно грозным при ведении залпового огня оружием. Унтера басовито подхватили офицерский приказ: «Пли!»

Не напрасно в Петербурге генерала Головнина называли «Львом Кавказа». Солдаты его были идеально вымуштрованы и ратное дело знали на «ять». Притом, движения воинов изрядно сковывали малопригодные для настоящего боя строевые кафтаны. Ради предстоящего смотра полк обрядили в парадное, временно заменив походную шинель красивым, но не вполне удобным мундиром.

Серьезной опасности атака, пожалуй, не представляла, ее, по всей видимости, следовало бы отнести к разведке боем. Или, что еще вероятнее, к демонстрации силы. Мол, не зарывайтесь, господа царисты, вот они мы – истинные хозяева! Открытый наскок, крайне не свойственный мюридам, больше привыкшим к ночным вылазкам и партизанским засадам, не мог продолжаться долго. Однако в укрепление спешно направили молоденького адъютанта – за горным орудием. Так, на всякий случай.

Двум залегшим на «Камне» наблюдателям представилась уникальная возможность узреть картину сражения целиком. Если исключить царящую на поле брани смерть, кровь и грязь, панораму можно было бы называть первостатейной.

– Русский начальник сейчас уйдет за стену. Его оттуда сам Шайтан не выкурит! Чего ты ждешь, англичанин? – прокричал сквозь шум пальбы по-дагестански одетый юноша, распластавшийся на самом краю утеса, и вновь поднес к черным, точно спелая смородина, глазам подзорную трубу.

Его щеголеватый спутник, обряженный в совершенно неуместный клетчатый костюм, не повел на замечание ни единым мускулом. В отличие от пылкого горца, молчаливый господин лежал на аккуратно подстеленном шотландском пледе. И в руках он сжимал не изящную зрительную трубку, а самый настоящий Брауншвейгский штуцер.

Ствол нарезного ружья покоился на нарочно принесенном мешочке, плотно набитом песком. Готовясь произвести выстрел, стрелок сгибал и разгибал пальцы, восстанавливая их чувствительность. Щека его касалась полированного приклада из орехового дерева в точке, позволявшей оптимальным образом воспользоваться новомодным прицелом с двумя стационарными щитками. Один из которых – постоянный, для стрельбы на расстояние, равное 183 метрам, второй – подъемный, предназначенный для поражения цели на куда большей дистанции.

Молодой абрек бросал на штуцер завистливые взгляды. Так ревнивые парни обыкновенно глядят на чужих смазливых девок. Хороша винтовка у британского подданного. Ай, хороша! Обманчиво красива, грациозна и смертоносна, точно аспид. Уж на что черкесские оружейники мастера на все руки, но такое ружье – настоящее произведение искусства! Его, верно, невозможно сработать в подпольных мастерских, имея в своем распоряжении самодельные станки и инструменты.

На позицию вышли еще со вчерашнего вечера, когда, наконец, подтвердилась дата войскового смотра. У англичан, как видно, был в крепости свой человек. Бессонная ночь подействовала на двух затаившихся в засаде мужчин очень по-разному. В полном соответствии с природой, свойственной представителю каждой из цивилизаций.

Сын местного мудира Агабека, носивший гордое имя Бахарчи, означающее на аварском языке – «герой, храбрец», и в обыденных-то обстоятельствах подвижный, словно ртутный шарик, в условиях вынужденного ожидания совершенно утратил самообладание. Он без конца порывался вскочить, точно нагретый солнцем камень жег его через плотную бурку, но всякий раз оставался на месте, верный делу и слову, данному накануне отцу. Настоящий мужчина – терпелив и мудр, говорил седобородый родитель и, конечно, был прав. Поставленная задача – проводить временного союзника на «Камень» и обеспечить его охрану – не отличалась сложностью исполнения. Даже немного обидно. Кто бы знал, как Бахарчи желал скакать сейчас во весь опор со своими братьями. Там внизу.

Зрение, усиленное десятикратной оптической линзой, в эту минуту причиняло юноше боль. Лучше бы он ослеп! Только бы не видеть, как товарищи погибают под шквальным огнем противника. Сгорают, точно дрова в русской печке! Удар в лоб стрелковому батальону, поддерживаемому артиллерией – безрассудство даже для такого выдающегося и удачливого вождя, как Хаджи-Мурат. Агабеку этакий кунштюк и вовсе не по силам. Впрочем, победы никто и не ждал.

Только бы проклятый англичанин не промахнулся!

В прежних вылазках Бахарчи слыл первым налетчиком. Настоящим башибузуком! Резал караваны, жег аванпосты. А теперь? Сиди себе петухом на жердочке, да вовремя кукарекай. Тоже мне, поручение.

Терпение – не самая сильная черта горячих юношей.

Молчание давалось горцу еще труднее. Правда, он не ведал английского языка, но сын туманного Альбиона немного говорил на русском, как и сам Бахарчи. При желании они вполне могли изъясняться и худо-бедно друг друга понимать, однако в том не было практической надобности. Разве что на подъезде к скале меж путниками состоялась краткая беседа о лоша-

дах. Точнее, об их именах. Оказалось, что у игреневого скакуна, горделиво красовавшегося под иностранным седоком, не было клички. Прежней хозяин у торговца не спросил, придумать новую не посчитал нужным. Дагестанец неодобрительно покачал головой:

– У всякого коня должно быть имя! Конь – лучший друг мужчины, как и его шашка!

– *This is not a stallion, but a mare*¹, – буркнул англичанин и неприязненно улыбнулся. Более он рта не раскрывал.

Не опозорил себя пустословием и молодой мюрид. Да и чего болтать? Язык – оружие женщины.

Степенный джентльмен являл собой полную противоположность горячему южанину. И вообще вел себя так, словно нарочно пытался соответствовать сформировавшемуся представлению иных народностей об англичанах. Холодная надменность при почти полном отсутствии эмоций – не человек, а карикатура!

Он легко переносил тяготы длительного ожидания и, казалось, превратился в бездушную продолговатую корягу, приютившуюся у самого обрыва. До рассвета безмолвный господин лежал с закрытыми глазами, и, судя по ровному дыханию, преспокойно спал. С первыми лучами теплого майского солнца, он, точно по команде, сел, протер лицо ладонями и принялся методично обулаивать огневую позицию.

Разместил винтовку на импровизированном ложе так, чтобы невозможно было различить вороненое дуло, торчащее над кромкой скалы. Разложил подле себя все необходимое для заряда. Пулю, снабженную специальным пояском, соответствующим по форме дульным нарезам, что обеспечивало плотное прилегание, как следствие, высокую точность выстрела, а также пыж и затейливую, явно дорогую, пороховницу. Затем извлек из седельной сумки медные аптекарские весы и набор маленьких гирек. Штык-тесак с плоским обоюдоострым клинком клетчатый отстегнул и отложил в сторону – не понадобится.

После серьезный человек битый час колдовал над зарядом. Выверил необходимое количество пороха, для чего-то поминутно поглядывая на открытое место, расположившееся напротив свежевоструганных ворот русской крепости (не иначе, прикидывал расстояние), засыпал в дуло порцию черного порошка, сверху поместил пулю, протолкнул ее пыжом, нацепил на патрбок капсюль, взвел курок-молоточек и принялся ждать.

Горец наблюдал за приготовлениями с нескрываемым любопытством и время от времени одобрительно цокал языком. Будучи мужчиной, с детства имеющим привычку к оружию, Бахарчи понимал – хороший выстрел требует немалой сноровки. Нужно учитывать буквально все! Не только расстояние до цели, но и угол падения пули, силу бокового ветра и даже плотность воздуха.

Он и сам ходил в неплохих стрелках. Отец чуть не с пеленок научил добывать горных козлов. К девятнадцати годам на счету охотника значилось пара императорских подпоручиков, несколько драгун и один есаул. Солдат и казаков Бахарчи не считал. К чему? Однако выстрел, затеянный самоуверенным британцем, просто невероятен. Возможен ли он вообще?

Вскоре горн возвестил выход полка из-за укрепленных стен. Русские солдаты змеей выползли в долину, построились и изготовились в ожидании своего генерала. Тот не заставил себя долго ждать, появившись перед строем в сопровождении десятка офицеров. До «Камня» долетали отдельные слова, выкрикнутые зычным голосом человека, привыкшего повелевать.

«Лев Кавказа» слыл достойным полководцем даже у противника! Ненависть к боевому генералу самым причудливым образом мешалась с искренним уважением.

Бахарчи так и прилип к окуляру подзорной трубы, стараясь не упустить ни один момент. Лицо большого начальника неверных было как на ладони. Вот бы приладить трубку к ружью и приспособить для прицеливания, мелькнула в его голове небывалая и очень смелая мысль.

¹ Это не жеребец, а кобыла (англ.)

Через минуту с той стороны Сулака показались джигиты отца! Раздались выстрелы, завязалась схватка.

Сколько русским потребуется времени, чтобы развернуться и контратаковать? Немного. Очень немного! Пора действовать! Ну, что там союзник?!

Юноша, присутствовавший накануне на военном совете отца, знал, перестрелка нужна для того, чтобы гяуры не догадались, кто на самом деле застрелил их любимого военачальника. Такое условие поставил правительственный агент, представляющий на Кавказе интересы английской короны.

С одной стороны, хозяину в собственном доме условий не ставят! С другой – что только не сделаешь, дабы прикончить злейшего врага! Начнешь, пожалуй, сотрудничать с самим Шайтаном.

– Ну, стреляй же! Поздно будет, – вновь прокричал Бахарчи, когда, наконец, грянул долгожданный выстрел.

Попал? Что генерал? Убит?!

Парень быстро поднес к лицу оптический прибор. Как раз вовремя, чтобы заметить, как с коня, неловко вскинув руки, мешком повалился человек в синем мундире. Головнин, коротко обернувшись, на полном скаку исчез за створками массивных ворот.

– Ты промахнулся! Подстрелил жандармскую собаку!

Горец со злой досадой поглядел на иностранца, меланхолично отложившего дымящийся штуцер. Губы англичанина расплылись в виноватой улыбке, но большие зеленые глаза смотрели очень серьезно.

Стрелок не торопясь отполз от края скалы и выпрямился. Хорошенько отряхнул запылившиеся панталоны, вздохнул и произнес на чистом русском языке:

– Вы нравитесь мне, молодой человек. Когда-то я был таким же сорвиголовой. Но, к сожалению, в моей профессии есть свои недостатки.

«Чего это он?» – подумал Бахарчи, заморожено глядя на приближающегося господина. Он умер, так и не успев понять, в какой момент в руке британского подданного оказался стальной кастет.

Англосакс коротко глянул вниз, в долину. Бой почти окончился. Нужно немедленно уходить! Скоро утес будет кишмя кишеть местными суровыми джентльменами с расстроенными нервами и затаенными обидами.

Столкнув тело мальчишки в пропасть – оступился человек, обычное дело, – молчаливый господин, только что совершивший два хладнокровных убийства, с бодрым посвистыванием принялся навьючивать кобылу.

– А тебе, и правда, следовало бы дать имя, голубушка!

«Голубушка» укоризненно покосилась на хозяина и негромко всхрапнула. Вскоре на «Камне» остался только сиротливо повесивший гривастую голову вороной Бахарчи. Конек ретиво переступал с ноги на ногу. Своенравный, молодой...

Глава вторая

Молодой человек со скучающим выражением лица глядел поверх бортика неказистой коляски и отчаянно зевал. Монотонные речи седоусого фельдфебеля – обладателя тихого скрипучего голоса – убаюкивали, что бабушкины колыбельные. Время от времени ему удавалось напустить на себя приличествующий должности (как-никак штаб-ротмистр Жандармского корпуса!) вид, несколько раз кивнуть и даже произнести что-то вроде:

– Да-с!.. Понимаю!..

Невнимательность штаб-ротмистра и даже до некоторой степени рассеянность объяснялись отнюдь не пресыщенностью, свойственной великосветской молодежи, а самой обыкновенной усталостью. Усталостью и разочарованием!

Подавая прошение о переводе из столицы на Кавказ, как сделали многие из его знакомых, новоиспеченный жандарм чаял интересной и, главное, полезной для себя и государя-императора службы. В Петербурге война с горцами представлялась этакой беспроигрышной лотереей. Всем грезились ордена, серебряные или, того пуще, золотые сабли, внеочередные звания и Бог знает что только еще. Каждый воображал себя ни много ни мало *Napoleón Bonaparte!*²

Гладко вписано в бумаги, да забыли про овраги.

Фортуна, поначалу внушившая надежду на реализацию самых смелых прожектов, оставила благонамеренного юношу с носом, едва тот ступил из кареты на негостеприимную для гяуров южную землю. Удачное, как казалось зеленому офицеру, назначение адъютантом жандармского подполковника Черемшина обернулось жуткой рутинной. Ни тебе операций по обнаружению и устранению вражеских лазутчиков, ни сыска по государственным преступлениям. Тоска зеленая! Впрочем, правильной было бы употребить дефиницию тоска голубая, в цвет мундира.

Право, следовало соглашаться на место в Нижнем Новгороде, там хоть вволю можно набегаться за старовеерами. Все веселей, нежели плавать по чернильным морям при штаб-квартире Кавказской армии.

Подполковник Михаил Эммануилович Черемшин предпочитал улаживать большинство дел партикулярным образом, не раздувая пожара официального следствия. Ласковая беседа, говорил он, порой приносит больше плодов, нежели весь инструментарий Третьего отделения.

Бес ведает, может, и правда эффективная метода. Но... все одно скука!

Петербургжец не успел перенять у начальства драгоценной науки. Третьего дня схоронили храброго Михаила Эммануиловича, Царствие ему Небесное! Вот ведь судьба – жил человек тихо, а ушел шумно, с помпой. Пал под пулей злого черкеса, заслонив собственным телом генерала Головнина. Как то и положено герою войны и верному слуге Отечества! Весь Пятиводск вышел проводить подполковника в последний путь.

Новый шеф должен был объявиться буквально на днях. А пока рутинные служебные дела в полном объеме поступили в ведение единственного на всю округу офицера императорской политической полиции.

Вот и теперь тащился он на ночь глядя на самый конец города. Туда, где с недавнего времени расположился вспомогательный военный госпиталь. Предстояло в очередной раз рассмотреть случай якобы подозрительной смерти, документально засвидетельствовать ее заурядность и, наконец, отправиться спать, чтобы назавтра вновь с головой окунуться в канцелярскую работу.

– Кажись, прибыли, Евгений Николаевич! – проскрипел фельдфебель, подавая молодому человеку руку.

² Наполеон Бонапарт! (фр.)

– Потрудитесь говорить мне «ваше благородие», Некрасов. В крайнем случае – господин Данилов.

– Слушаюсь, ваш бродь!

Надо же, без году неделя хожу в жандармах, а туда же, подумал юноша и пообещал себе впредь не заноситься. И без того в обществе сформировалось устойчивое заблуждение, будто среди обладателей светло-синих шинелей нет достойных и приличных фигур. Как бы не так!

Данилов с юности имел убеждение, что в Жандармском корпусе-де трудятся люди честные и справедливые! Прежде всего, сие безапелляционное утверждение касалось шефа Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Благороднейших взглядов господин. Колосс правосудия!

Разумеется, подобной точки зрения он придерживался не всегда. Сформировалась она так.

Евгений Николаевич часто гостил в загородном имении бабушки – Екатерины Алексеевны Бережковой. Под заботливым крылом уважаемой в свете представительницы старинного дворянского рода Данилов провел, можно сказать, все детство. Ах, счастливая пора!

Надо ли говорить, какие гости порой наезжали в усадьбу к знаменитой помещице! Бывал среди прочих и сиятельный Александр Христофорович.

В тридцать втором году, едва получив графа, Бенкендорф явился к Екатерине Алексеевне с дружеской оказией и задержался на целых два дня. Попариться в баньке, испить кваску, поудить в омутах непуганую рыбу. Приобщиться, по его словам, простых человеческих удовольствий-с.

Шестнадцатилетний *Eugene*³ поначалу сторонился грозного генерала и старался не попадаться тому на глаза. Пока, по случайности оказавшись в саду – более подходящего места для чтения просто не сыскать, – юноша невольно не подслушал разговор бабушки и ее высокопоставленного приятеля.

Покачиваясь в плетеном кресле-качалке, граф поминутно вздыхал, сетовал на тяжесть службы и все жалел какого-то неоперившегося корнета, имевшего глупость намалевать забавную, но совершенно безобидную карикатуру на государя-императора. По словам главы тайной полиции, юный художник пал жертвою доноса собственной кухни. Та откопала где-то проклятый рисунок, по всей видимости, позабытый беспечным автором, и снесла его не куда-нибудь, а сразу в 16-й дом на набережной Фонтанки. Не иначе, меж молодыми людьми случилась размолвка на почве амурных видов.

Злосчастный клочок бумаги попал в кабинет руководителя политической полиции, его сиятельство безотлагательно пригласил барышню к себе. С полчаса побеседовал с ней по-отечески, успокоил, мол, нечего забивать августейшей особе голову надуманными проблемами, и решил было, что засим прецедент исчерпан. И конечно, ошибся! Графа вызвали на высочайшую аудиенцию в тот же вечер. Видно, доброжелательница нашла дорожку напрямик во дворец.

Взъяренный наветчицей император пожурил верного слугу и велел тотчас принять в отношении бесстрашного карикатуриста самые решительные меры. Тут уж делать нечего! Неосмотрительный корнет немедленно был разжалован в солдаты и отправился в Олонецкую губернию на службу по полному усмотрению тамошнего губернатора.

Екатерина Алексеевна смахивала слезу батистовым платочком и все повторяла:

– Вы удивительно добры, Александр Христофорович!

На что граф с кислой ужимкой произнес фразу, затверженную романтически настроенным Эженом навсегда:

³ Евгений (фр.)

– Пустяки! Коль скоро в молодости человек не испытывает бунташных настроений – у него нет сердца, а ежели к сорока годам не стал убежденным консерватором – следует констатировать отсутствие мозгов! Жандармскому корпусу должно преследовать истинных террористов, а не заниматься высылкой мальчишек, чужащих в силу пубертатного состояния.

Великий человек!..

Зело впечатленный юноша на следующий же день упробил горячо любимую *mamie*⁴ употребить все доступные протекции, дабы перевести его с историко-филологического факультета Петербургского Императорского университета в юнкерское училище – перворазрядное завершение коего в те годы являлось неотлагательным требованием к соискателю Третьего отделения.

Мертвецкая располагалась во флигеле крупного особняка господина Платонова (местного князька-нুবориша), сданного в долгосрочный наём под нужды войскового госпиталя. Под самый, надо заметить, невысокий – патриотический – процент. Каких-то 20% годовых! Любог купец схватился бы за сердце от столь «скромных» финансовых притязаний арендодателя. Казна же ничего, подвинулась.

Данилов в сопровождении фельдфебеля вошел в покойницкую и тут же брезгливо поморщился. Царство мрачного Аида выглядело, пожалуй, стократ лучше, нежели местный анатомический театр. Вся штукавина в натуралистичности. Больно уж тоскливо смотреть на некогда обыкновенные предметы быта и мебели, ныне употребляемые в целях исследования и, страшно сказать, хранения новопреставленных.

Стены были наскоро обиты дешевой материей (понадобится, всегда можно быстро заменить чистой), пара бывших обеденных столов бессовестно драпированы пошлой клеенкой в крупную зеленую клетку. Вместо чайных пар столешницу украшали затейливые патологоанатомические инструменты, круглобокого «туляка», традиционно венчавшего всякую кухню, заменял прикрытый испятнанной простышкой продолговатый труп.

Та еще сервировка!

– Ба! Да здесь уютно, – не удержался от иронии жандармский штаб-ротмистр. – Добрый вечер, господин Струве.

– Здравствуйте, милостивый государь! – с миролюбивой улыбкой ответил судебный медик, носивший звучную немецкую фамилию. – Притомились с дороги? Не прикажете самоварчик? Распоряжусь в сию секунду-с.

– Не извольте беспокоиться, Василий Яковлевич. Я на обратном пути заскочу в полковой буфет. Покамест не голоден.

Очи пожилого мужчины, облаченного в кожаный фартук поверх несвежей сорочки, блеснули из-под густых бровей лукавым огнем, мол, понимаю-понимаю – не самое подходящее место для трапез. Ничего-с, сейчас мы скоренько уладим необходимые формальности и ступайте себе, милый отрок, кушайте десерты из этой вашей офицерской ресторации.

– Оспади, – перекрестился старый солдат, не отводя взгляда от мертвого тела, – упокой душу раба твоего Владимира!

Евгений Николаевич сочувственно вздохнул:

– Вы, должно быть, любили своего командира, Некрасов?

– А то как же, ваш бродь! Добрый офицер. И человек порядочный-с. Тридцати не было, а уже комендант! Токмо женились они опять же...

Фельдфебель по-бабьи шмыгнул красным от загара носом и отвернулся, дабы не смотреть на то, что некогда было здоровым и сильным мужчиной. Циничный Струве немедленно выкинул фортель:

⁴ Бабушка (фр.)

– Да-с, поручик у нас в записных красавцах ходил. При жизни-то... Ловко ему туземная пуля красно личико причесала. Не физиономия, а каша-с!..

Служивый разразился матерной бранью и вышел вон, сердито топя выдавшими виды сапогами. Медик поймал на себе укоризненный взгляд штаб-ротмистра и с нарочитой вежливостью поинтересовался:

– Велите продемонстрировать? Или сразу документики сладим-с?

– Черт с вами, бездушный эскулап, – покосившись на сверток неясных очертаний, Данилов виновато улыбнулся. – Тащите свои бумажки. Знаю я вас! Уже все готово, небось? Да не забудьте про перо и чернила. Покончим с этим!..

– Оно и славно-с! Сию минуту, господин штаб-ротмистр. Можете пока вон там присесть-с.

Придерживая саблю с новеньким темляком при кожаных кистях, петербуржец опустился на указанный стул. От дурного запаха к горлу подкатывал противный ком. Евгений Николаевич с младых ногтей не выносил вида мертвецов. Весьма постыдная слабость для чиновника тайной полиции. Но поди превзойди собственную природу!

Угораздило же вновь сюда притащиться! Задержись он в полку хоть на полчаса, обязательно бы разминусь с фельдфебелем. Очень уж некстати Некрасов выбрал время для посещения жандармерии. Резолютивная запись в отношении поручика Карачинского могла денек-другой обождать. А там, глядишь, нарисовался бы новоявленный «Черемшин» да и забрал себе дело...

Любопытно, сколько еще будет таких?

Когда смерть военнослужащего наступает в бою, да при свидетелях-однополчанах, подтверждения отсутствия криминальной составляющей не требуется. Сегодняшний случай – иной коленкор!

Бездыханного начальника нововозведенной крепости доставил казачий разъезд. На первый взгляд, ничего особенного. Разведывательный отряд во главе с комендантом направился в плановый рейд. Нарвался на засаду, понес потери. Но вот беда, в стычке пострадало всего одно лицо (в прямом и переносном смысле, бр!). Согласно тайной инструкции его сиятельства, нарочно составленной для должностных чинов Третьего отделения по Кавказской линии, подобные обстоятельства требуют разбирательства. Самого *обстоятельного*! Вдруг сие событие квалификация не военного, а сысского ведомства? Опять же в тыловых частях функции уголовной полиции предписаны Жандармскому корпусу. Убийство офицера императорской армии в период военных действий – государственное преступление. Ни много ни мало!

Так-то оно так, да только *в теории*! На практике, как правило, все очень даже просто: вот наши, вот враг, все ужасно нервничают и палят друг в друга почему зря. В итоге образуются трупы, или, как в данном случае – труп.

Получите, что называется, распишитесь!

– Вот-с, Евгений Николаевич, извольте ознакомиться.

Благоухая затейливым ароматом чая, табака и чего-то такого, о чем лучше не догадываться, Василий Яковлевич вручил молодому человеку дешевый целлюлозный бювар. Встал напротив, старательно изображая готовность услужить по первому зову.

Штаб-ротмистр раскрыл папку и чуть наклонился вперед, дабы скудное мерцание закрепленной в медном светце лучины падало на текст. Для чтения выходило темновато, но не просить же свечу. Это лишняя минута.

Так-так-так... поручик Карачинский Владимир Михайлович, 1812 года рождения... Приказом генерала от инфантерии, генерала-адъютанта Головина А.Е. от первого мая сего года произведен в коменданты укрепления «Александровское» с положением двойного жалования, включая компенсацию дров... не интересно... В браке с Карачинской Натальей Петровной, в девичестве Кутыгиной... снова не то. Что там дальше? Ага, вот-с! Убит при исполне-

нии служебного долга... Фактические обстоятельства смерти подтверждаются свидетельскими показаниями фельдфебеля Некрасова Т.П., титулярного советника Лебедева Н.Ю. Стоп! Какого еще титулярного советника? Что статский позабыл в разъезде?

– Ваше благородие, ежели по всем пунктам возражений не наличествует, соблаговолите поставить подпись. Здесь и здесь... Не угодно ли перышко? Свежевыструганное, преотменное-с.

Данилов послушно зашуршал желтоватыми листами. Порыскал глазами по бумаге, нашел подчеркнутый абзац, прочитал. Лучше бы он этого не делал.

«Причина смерти: пулевое ранение в переносицу. Дробление черепной коробки. Отсутствие носовой кости (входное отверстие), частичное разрушение затылочной кости (выходное отверстие). Летальный ушиб мозга, с усекновением...»

– Фу! – поморщился обладающий завидным воображением жандарм и требовательно вытянул обтянутую в лайковую перчатку руку. – Давайте сюда ваш гусиный стилус, господин Струве.

– Прошу-с!

Оставив в документах два заливчатских росчерка, Данилов порывисто вскочил, брезгливо швырнул светилу судебной медицины бювар и, щелкнув каблуками, заторопился к выходу.

Ночь встретила жандармского обер-офицера приятной свежестью и прохладой. У коляски топтался поникший фельдфебель, смоля копеечную солдатскую трубку.

– Поехали, Некрасов!

– Гляжу и вас обозлил-таки проклятый коновал? Немчура, с него что взять...

– Отставить разговорчики!

– Слушаюсь, ваш бродь!

Четверть часа спустя упряжка вовсю неслась по темным улицам Пятиводска, пассажиры подавлено молчали. Каждый думал о своем.

Фельдфебель вздыхал о невинно убиенном командире да все гадал, что принесет ему служба под новым началом? Кого поставят вместо почившего коменданта? Никак подпоручика Гнедича? А что? Неплохой он мужик. Хоть и из высокородных, а к простому человеку ласковый. Бывают же справные офицера!

Евгению Николаевичу не давала покоя некая непонятность, отраженная в медицинском протоколе. Отчего при дозорном отряде находилось гражданское лицо? Как бишь там его? Титулярный советник Лебедев... Зачем поручик взял его с собой? На кой бес потащился сам? Комендант не вправе покидать вверенный ему участок без особого распоряжения. От безделья?

– Скажите, Некрасов, знаком ли вам некто Лебедев? Что он за птица?

– Николай Юрьевич? А то как же, ваш бродь! Преотлично знакомы-с! Писатель это. Командир наш их больно жалуется... вернее сказать, жаловал-с. Оне часто с нами в разъезды хаживали, им желательно было на настоящую войну поглазеть. Всё любопытствовали, пытались найти это... как его... *вдо-хно-ве-ни-е!*

– Вот как? И что, братец, тело поручика тоже, небось, писатель нашёл?

– Никак нет-с! Командира заметил кто-то из ребят. Аккурат в овражке, где вороний камень.

Штаб-ротмистр досадливо стукнул ладонью по сиденью пролетки и механически переспросил:

– Камень?

– Точно так-с, ваш бродь. Преогромный-с! Можно сказать, местная достопримечательность. Стоит себе по-над оврагом, словно сооружение фортификации. Весь воронами изгажен,

оттого, стало быть, и прозвание. Хе-хе-с! Не свезло господину поручику. Угодил под пулю в безопасном укрытии да с такого расстояния!..

Данилов вскинул соболиную бровь, затем нахмурился и подпер кулаком подбородок.

– И правда, странно! Поворачивай-ка назад, любезный...

Хилая дверь мертвецкой с силой грохнула о стену и жалобно застонала, раскачиваясь на ржавых петлях. В центр едва освещенной залы не вошел, а буквально влетел разругавшийся от не вполне понятного волнения жандарм.

– Евгений Николаевич, батюшка вы мой, что стряслось? Отчего вы возвратились? – встрепенулся судебный медик, прикрывая рукавом маленькую фарфоровую кружку, клубящуюся ароматным паром.

– Кофеи гоняете, Василий Яковлевич? А работать за вас кому прикажете? Отчего утаили от меня детали осмотра? Неужели вам безразличны результаты следствия?

– Бог с вами, голубчик...

– Я вам никакой не голубчик! – голос Данилова звенел непривычным булатом. – Во-первых, извольте обращаться ко мне по всей форме. Перед вами обер-офицер Жандармского корпуса. Во-вторых, куда вы подевали тело поручика?

– Поручика?..

– Где, черт возьми, Карачинский?!

Бедняга Струве выпучил желтоватые, что у филина, глаза, вскочил и бестолково заматся по комнате, пытаясь одновременно застегнуть верхнюю пуговицу сорочки и указать взбешенному штаб-ротмистру на прикрытый прокуренной шторкой дверной проем.

– Там! В каморке-с. Думал завтра приступить к бальзамированию...

– Ведите!

Спустя краткий миг оба оказались в ужасно тесной комнатухе с низким потолком. На широкой лавке безмятежно полеживало тело Владимира Михайловича. Вот уж кому точно было все равно на проводимое в отношении него расследование.

Юный сотрудник Третьего отделения вмиг позеленел и перестал казаться таким уж грозным. Однако очень быстро совладал с собой и хриплым шепотом повелел:

– Необходимо больше света.

– Сию минуту-с, ваше благородие!

Доктор боязливо спрятался за пышными – по образцу кирасирских полков – эполетами Евгения Николаевича и поднял над головой толстую сальную свечу. Та вела себя в высшей степени неприлично, сердито шипела и безбожно коптила.

Данилов на миг прикрыл глаза, перекрестился и решительно сорвал с головы покойника багровый от запекшейся крови ситец. Не станем приводить точного описания увиденной молодым человеком картины, довольно будет замечания, что зрелище не из приятных. Притом весьма и весьма.

– Это что? – палец в перчатке неловко ткнул в бледную щеку мертвеца.

– В каком, *pardon*⁵, смысле?

– Василий Яковлевич, потрудитесь разъяснить, что сие за темные пятна? То, что я думаю?

– Смотря о чем вы думаете, но, всего вероятней, что так-с!.. Пороховые ожоги, сударь вы мой, – ответил судебный медик, молниеносно уловив перемену интонаций в речах жандармского штаб-ротмистра и возвращая себе привычную манеру изъясняться.

Непотопляемый господин, подумал Данилов и тихо произнес:

– Отрадите сей факт в протоколе, пожалуйста.

– Всенепременно-с!

⁵ Извините (фр.)

– Эх, жалко, что у нас с вами сквозная рана... Вот если б произвести вскрытие, да полюбоваться на пулю.

Струве расплылся в неприятной улыбке:

– Ну, положим, рана имеется, слава Богу, не у нас, а у несчастного поручика! Это раз. А снаряд-то вот он, прошу, как говорится, любить и жаловать-с!.. Застрял в темечке. Пришлось немного истерзать щипчиками черепушку. Это два.

Повелитель царства мертвых ловко пошарил пинцетом в жестяной баночке и величавым жестом извлек чуть сплюсненную от удара ружейную пулю.

Данилов утомленно притворил веки и выдохнул:

– Русская!..

Глава третья

– Русская-с! У нас здесь исконно русская кухня, – ответил половой, давно привыкший к чудачествам заезжих гостей и их подчас удивительным вопросам. – Ежели барин непременно изволит отведать кавказских блюд, то вам надобно в заведение напротив. Аккурат через дорогу-с. Там вы найдете лучший во всем Пятиводске шашлык и отменное домашнее вино. Местных сортов-с.

– Пустое, братец. Русская, так русская. Подай каши, блинов, масла да с полдюжины гусиных яиц. А коль проявишь расторопность, добавлю на чай копейки три да с денежкой.

– Сию минуточку-с!..

Метнув пристальный взгляд на компанию завсегдатаев, посетитель отправился в самый дальний угол темной прокопченной залы и уселся (спиной к стене, лицом к входу) за стол, не имевший скатерти, свечей и вообще малейшего намека на комфорт. Ласково, словно малое дитя, разместил рядом с собой тяжелый кавалерийский палаш в потертых ножнах с медными набойками, соседний стул безапелляционно отодвинул кончиком замшевой туфли. Наличие сотрапезников, как видно, сим господином совершенно не приветствовалось.

– Найдется ли в вашем трактире бутылка приличного шампанского? «Moët & Chandon»?

– Сделаем в лучшем виде, ваше степенство! «Вдова Клико» устроит-с?

Гость удовлетворенно кивнул и с видимым наслаждением вытянул длинные ноги. Если бы не грозное оружие и неприятные, почти бесцветные глаза, мужчина мог бы показаться смешным. Тощее тело – обтянутый кожей скелет, тонкие черты лица, залысины, крашенные каштановые бакенбарды и глубокие морщины на собранном в гармошку лбу делали его облик весьма несуразным. Не человек, а ходячая фантазмагория.

Ситуацию несколько исправлял дорогой наряд. Серый в полоску сюртук, длинные панталоны со штрипками, штилеты при серебряных пуговицах и серебряная же цепочка брегета, грациозно свисавшая из жилетного кармана.

«Гусиные яйца и белое игристое вино, надо же, какой причудливый вкус», – думал прилизанный на ровный пробор официант, хлопоча на кухне. Должно быть, сей барин из новой породы купцов, что любят оригинальничать и прикидываться европейцами, при этом не до конца вытравив из себя замашки коренного жителя патриархальной, сиречь сиволапой, Русиматушки. Как бишь там у поэта Батюшкова? *Налейте мне шампанского стакан, я сердцем славянин, желудком – галломан!*

В действительности же тонкий знаток гастрономии не был представителем от коммерции. Он имел иной, куда более внушительный статус, поскольку являлся сыном князя Андрея Бонартова, назвавшего своего младшего отпрыска, коему к моменту нашего повествования стукнуло уже сорок два года, звучным греческим именем Леонид. Знать, в честь знаменитого спартанского царя, славного героя Фермопил.

Имя оказалось говорящим. В переводе с греческого оно означает «потомок льва» или «подобный льву». Сиятельный родитель попал, что называется, в точку! Уже в пору юности Леонид Андреевич Бонартов приобрел на весь сановный Петербург славу записного скандалиста, бретера и, главное, первостатейного фехтовальщика. В кругу приятелей его называли «*primus gladio*⁶», или «*первая ипага*». Недоброжелатели именовали иначе – *coq Léonide*⁷.

На счету далеко откатившегося яблока (а как еще назвать члена почтеннейшей фамилии, позорящего своим поведением правильных до скуки предков?) числилось не менее двух десятков дуэлей, как правило, завершившихся либо смертью противника, либо его увечьем.

⁶ Первый меч (лат.)

⁷ Петух Леонид (фр.)

Не какой-нибудь пустяковой царапиной, соответствующей традиционной максиме – до первой крови, а самой серьезной травмой. Так или иначе, ни один из побежденных не мог более похвастаться способностью держать шпагу.

В высшем свете ходили слухи, будто Бонартов-младший нарочно устраняет конкурентов, достойных вступить в борьбу за звание лучшего клинка империи. Сторонники не лишенной романтического флера версии кричали, дескать, довольно одного беглого взгляда на перечень (следует заметить, весьма внушительный!) лиц, потерпевших фиаско, сразу становится ясно – все они бывалые рубаки от военного министерства или фехтмейстеры разного сорта.

Разумеется, «шалости» великовозрастного шалопаю нивелировались протекцией близкого ко двору князя-отца. Оттого в обществе со временем не осталось ни одного человека, желающего иметь хоть какое-то дело с задиристым петухом Леонидом. За исключением разве что кучки друзей-приживал.

Ну, и куда прикажете такому податься? Только на Кавказ!..

Светлоглазый откинулся на спинку скрипучего стула и закрыл глаза. Пока несут выпить и закусить, можно наконец приступить к мысленному написанию эпистолы самому прекрасному адресату. Вернее, самой прекрасной! *Той, что всегда его ждет!*

«Ma chère Athéna!»⁸

My beautiful Athena!»⁹

Простите, что столь преступно давно не писал Вам! Клянусь, мысли мои ежеминутно были только о Вас!

Да, я вновь не доверяю слов бумаге... Впрочем, в тысячный раз готов предоставить самые крепкие заверения, что память моя хранит с подобострастием и твердостью Бастилии каждое слово, всякую нечаянную букву! Все письма я затвердил наизусть, дабы при встрече пересказать их Вам.

Теперь почти уже Пятиводск! Географически путь завершен, но, с точки зрения поставленных задач, я нисколько не приблизился к цели.

Здесь, на Кавказе, на меня нашло два больших недоумения! Оба следует разрешить немедленно и скоро. Иначе невозможно будет исполнить дело. Посудите сами.

Во-первых, к сей минуте я окончательно убедился, что не имею ни малейшего представления о том, где искать проклятого англичанина!

Джеймс Спрингфилд – британский подданный, носящий титул лорда, владелец старо-заветного поместья Стоун-Холл. Вот исчерпывающий список сведений, предоставленный мне старым пройдохой Киселевым! Не густо, скажете Вы, моя очаровательная Athéna¹⁰, и, вне всяких сомнений, окажетесь правы!

Коль скоро я верил бы в Бога, тотчас бухнулся бы на колени в мольбе о помощи. Но Вы – мое единственное божество. Богиня войны и справедливости! Пришлите хоть теплый взгляд, воздушный поцелуй, улыбку — то будет высшая похвала и отрада...

Во-вторых, как я уже сказал, есть и новое недоумение. Оно образовалось по совершенно иному поводу. С частной стороны, более до меня касающейся.

Чем далее я забираюсь в горы, тем более осознаю, что сии благословенные края, где были мы с Вами когда-то невыразимо счастливы, переменились самым решительным образом. Война! Война внесла смуту в некогда прекрасный край. Длань Хаоса коснулась всего, что составляло жизнь и радость, веселье и мир! Здесь более не поют песен...

⁸ Моя дорогая Афина! (фр.)

⁹ Моя прекрасная Афина! (англ.)

¹⁰ Афина (фр.)

Но я не должен всего этого испытывать! По определению. Понимаете? Александр Вальвиль учит: «Хладнокровие – есть первое оружие фехтовальщика, сталь – лишь продолжение руки». Как умно! Как справедливо!

Ваши покорный слуга раскис, огорчаясь от того, что почувствовал... огорчение! Pardon за тавтологию, мой милый друг. Как собираюсь я одолеть сэра Спрингфилда, коль не могу контролировать даже собственных эмоций?!

Война поделила мир на черное и белое. Но я всегда, слышите, всегда должен оставаться бесцветным... беспристрастным. Иначе не встать в ряд с Великим Маэстро!

Для чего я не щадил своего здоровья, делал мученические усилия? Чтобы самым постыдным образом раскваситься на пороге Викторши?

О! Не сомневайтесь, любимая, дорогая моя Athéna!¹¹ Я одержу ее для Вас! И вновь утвержу свою репутацию, ведь она — мой настоящий и единственный капитал!..»

– Приятного аппетита-с! – с сахарной улыбкой возник давешний половой, расставляя перед гостем подносы полные яств.

– Благодарю! А скажи-ка, любезный, не останавливался ли у вас британский подданный по фамилии Спрингфилд?

– Никак нет-с, ваше превосходительство! – важно ответил слуга и с поклоном удалился.

Бонартов подчеркнуто аристократическим движением выудил из ведерка со льдом пузатую бутылку, обильно орошая столешницу каплями талой воды, наполнил бокал шипящим напитком и лениво, словно бы с неохотой, принялся за еду. Постоялый двор, замерший было при появлении столь экстравагантного гостя, давно уже пришел в движение. На князя перестали обращать всякое внимание.

Слух Леонида Андреевича терзал многоголосый хор солдат и унтер-офицеров, обедавших в трактире, подле которого столь удачно образовался временный армейский госпиталь. Вот куда война принесла не крах, а процветание, обеспечив давно захиревшее предприятие неиссякаемым потоком клиентов.

Громче всех выделялся басовитый рык казачьего подъесаула:

– А я говорю, бросил тебя твой мужик! Сбежал, не заплатив за постой и пищу. Не кручинься, красавица, давай к нам: накормим, обогреем, что пичугу за пазухой! Верно, братья?

Солдаты и казаки, восседавшие за самым большим из имеющихся в заведении столов, нестройно ответили согласием. С разной долей энтузиазма.

– Спасибо, дяденька! Не нужно, я как-нибудь сама, – промямлила молодая женщина с огненно-красной косой и испугано покосилась на дверь, ожидая, как видно, немедленного появления избавителя. – Да и зря вы меня, сударь, обижаете, я хозяйские-то харчи не даром снесаю. Мой Тимофей Никифорович за все уплатил наперед! До копеечки...

– Брось, рыжая! Не дури, – не унимался горластый вояка. – Сколько времени ты провела в этом трактире? Седмицу? Две? Деньга, небось, давно кончилась...

– Дней с десяток. Мы с мужем стоим здесь аккурат с Вознесения!

– С каким еще мужем? Забудь! Он уж давно где-нибудь на печи да с бабой либо навовсе в сырой земле. Кавказ – место гиблое, девка!

– Как не совестно вам такое говорить, господин офицер! Тимофей отправился в дальний аул. К своему давнему кунаку. Все разведает да сразу за мной и возвратится. Станем с ним в горах жить-желевать, добра наживать!

Грянул дружный хохот.

– Русский да с хищником в кунаках ходит!

– Чудно-с, право!..

¹¹ Афина! (фр.)

Восседавший во главе стола бородач с перевязанной рукой, по виду из унтеров, выждал, пока все отсмеются, и шутиливо заметил:

– Поздравляю, Никита Прохорович, с повышением-с! Барышня изволили вас офицером наградить!

– Я, Макар Антонович, с барышни другую награду спрошу!

Скомкав обед, девушка испуганно выскочила из-за стола и направилась к лестнице, ведущей к жилым комнатам. Обидчик в два прыжка оказался подле нее, больно схватил за локоть.

– Мне, слышь, краля, таперичка поцелуй желателен. Самый невинный. Воздушный-с!.. – произнеся это, подьесаул томно сомкнул веки и вытянул губы в трубочку.

– Отведайте-ка лучше вот это, шут гороховый!

Вместо горячих девичьих уст казак почувствовал вкус холодной стали. Вздогнул, разлепил очи и отшатнулся. Перед ним стоял давешний посетитель в сером сюртуке. В одной руке он держал обнаженный палаш, в другой – надкушенное гусиное яйцо.

Являя собой полную противоположность немедленно взъярившемуся подьесаулу, Бонартов сохранял удивительное, прямо-таки нечеловеческое спокойствие. Во всяком случае, внешне. Оскорбленный Никита Прохорович потянулся к шашке и прорычал:

– Ты на кого руку поднял! Да я тебя за энто, как облезлую собаку, зарублю!

Из-за солдатского стола вскинулось несколько человек, по всей видимости, не утративших еще остатков благоразумия:

– Брось Никитушка! Ты чего удумал?

– С барином драться никак не можно! Донесут. Нынче, сказывают, в конторе больно грозный жандармский начальник объявился.

– Точно так-с! Некто Шлиппенбах.

– Угомонись, подьесаул. Видал, как их благородие ловко с клинком управляются?

– Без ушей останешься, Никит!

Но горячую казацкую кровь было уже не унять. Вычертив в воздухе замысловатую восьмерку, задира, брызгая слюной из щербатого рта, прошипел:

– Ништо, ребята! Барину не воспрещаются дуэли. Я – человек служивый, не рвань. Не побрезгуете, ваше вашество, скрестить со мной сабельки?

Любой дворянин, окажись он на месте Бонартова, вне всяких сомнений, ответил бы надменным отказом, но только не Леонид Андреевич:

– В знак уважения к казачеству и лично вашим боевым заслугам (уверен, они у вас имеются!), подьесаул, я дам вам шанс сохранить лицо. По-хорошему. Опустите железку, пока ненароком не порезались. Извинитесь перед дамой и убирайтесь вон.

– Прохорович, охолонь! – раздался обеспокоенный голос давешнего унтера. – Остальным сидеть!

– Милости прошу во двор, барин! – подьесаул указал концом шашки на залитый дневным светом дверной проем, старшему товарищу бросил примирительное. – Я мигом, Макар Антонович. Раз-два и все. Будьте любезны, не сумлевайтесь.

– Стало быть, желаете по-плохому. Что ж, извольте.

Князь поместил палаш подмышку, освободившейся рукой прихватил наполненный шампанским фужер и, не выпуская запеченного яйца, неторопливо проследовал к выходу. За ним с молчаливого одобрения Макара Антоновича потянулись все посетители кабака, включая девушку, ставшую невольной виновницей происшествия. У нее был ужасно сконфуженный вид: бровки нахмурены, губы предательски подрагивают, рыжие пряди непослушно торчат их-под расписного, как принято на Урале, платка.

Распугав всех кур и едва не уронив заботливо сложенную накануне поленицу, общество зевак расположилось по периметру внутреннего двора трактира. Противники встали один напротив другого посреди импровизированной площадки.

Леонид Андреевич одним глотком отправил содержимое бокала в рот, нимало не заботясь о сохранности крахмального воротничка, по которому тут же весело побежали тонкие пузырящиеся струйки. Закусил, отряхнул руки и наконец взялся за оружие.

– Нечего тут позировать! Умел озорничать, умей и ответ держать! – весело крикнул казацкий подъесаул, со свистом раскручивая шашку над головой.

– Может, миром сладите? – спросил кто-то из солдат. Не всерьез, а больше для контанансу. – Ну, нет, так нет! Поехали!

Фигуры, выписываемые в воздухе казачьим изогнутым клинком, стали куда нарочитей: из круга перешли в этакий скрипичный ключ, из горизонтальной плоскости – в вертикальную.

– Играй, гармошка!.. – невпопад произнес Бонартов и резким, молниеносным движением вышиб у противника оружие. Никто даже не заметил, как это произошло.

Развивая успех, князь гуттаперчевым движением обогнул остолбеневшего подъесаула и что есть мочи шлепнул того палашом чуть пониже спины. Разумеется, плашмя.

Казак взвыл. Вытянулся дугой. Схватился руками за ушибленное место и, прыгая на пятках, припустил по заросшему травой дворику. На глазах у почтенной публики. Одни смеялись, другие удрученно молчали.

Все понимали: бой окончен.

Не прошло и пяти минут, как все наново оказались в общей зале. У черного входа осталось всего два человека. Его сиятельство князь Бонартов и молодая заплаканная женщина. Она тут же бросилась к защитнику и затараторила:

– Благодарствую, ваше сиятельство, что заступились за сироту беспризорную. Меня Татьянкой звать...

– Пустое.

– Как же, господин! Вы совершили хороший поступок! Честный и благородный. Завтра Троица, я за вас во церковке свечку поставлю, ей-Богу!..

Бонартов с прищуром поглядел на докучливую девчонку и, саркастически ухмыльнувшись, поинтересовался:

– Достаточно ли я пригож для вас, мадемуазель? Краше подъесаула?

Барышня испуганно прикрыла ладошками рот, часто-часто заморгала, стряхивая крупные слезы и наконец, подхватив подол сарафана, устремилась куда-то за калитку.

Леонид Андреевич проводил ее нехорошим, злым смехом. Однако мысли его были далеко:

– *Ma chère Athéna*¹², помоги избавиться от ненужных, мешающих чувств! Жалость, сострадание, гнев – дурные спутники истинного *primus gladio*¹³. Ну, погулял бы с бесприютной бабой озорной казак, наплодил бы на всю округу чубастых пострелят... мне-то что за дело! Из пушки по воробьям не стреляют. Не следовало разменивать свой талант ради неумытой девки. Сие дурная примета!..

Нахмурившись, князь поплелся обратно в трактир. «Своей выходкой, – думал он, – я безнадежно себя обнаружил. И это, пожалуй, самая большая глупость».

¹² Моя дорогая Афина (фр.)

¹³ Первый меч (лат.)

Глава четвертая

– Самая большая глупость – потакать статским! Это черт знает что, доложу я вам! – возмутился подпоручик Гнедич, покачиваясь в дорогом, не менее двадцати рублей, кожаном седле. – Напрасно Владимир Михайлович (Царство ему Небесное!) приблизил к себе негодяя Лебедева. Позволял присутствовать в разъездах, сам принимал в них участие. Доигрались! И ради чего-с? Дрянной заметки в дрянной же газетенке? Приходилось ли вам, Евгений Николаевич, читать его статьи?

Данилов молча поклонился. Так вот отчего упомянутая в протоколе фамилия титулярного советника показалась ему смутно знакомой! Лебедев, Николай Юрьевич – журналист, собирающий материал для «Северной пчелы». Ознакомление с новыми публикациями сего периодического издания на предмет политической благонадежности входило в служебные обязанности штаб-ротмистра.

– Дичь! Натуральная дичь... – не унимался новоиспеченный начальник крепости Александровской. – Взять, к примеру, прошлогоднюю заметку о сражении на реке Валерик. Сиропит, точно он в кондитерской фабрике, а не на Кавказе. Невозможно *так* писать о войне!

Евгений Николаевич едва заметно улыбнулся. Любопытно, понимает ли подпоручик, с кем взялся откровенничать. Жаловаться офицеру Третьего отделения на цензуру печатного слова... Умора!

Точно подслушав мысли молодого человека, Гнедич поспешил перевести тему в безопасное русло:

– А стихи? Он ведь пишет стихи-с! Изводит допотопными – а-ля Ломоносов – виршами честную, ни в чем не повинную бумагу, которая, как известно, способна стерпеть все, но только не словоблудие графомана Лебедева!

– А вы не слишком категоричны, Георгий Осипович? – поинтересовался Данилов, отмахиваясь от назойливого комара, которых к Петрову посту обыкновенно становится столько, что спасу нет.

– Помилуйте, Евгений Николаевич! – немедленно насупился подпоручик. – Довольно одного беглого взгляда на сию, с позволения сказать, *поэзию*, дабы составить надлежащую диспозицию. Другое дело – Мишель! Поручик N-ского 77-го пехотного полка. Не приходилось ли вам знакомиться с его работами? Нет? Обязательно полюбозыщите, ваше благородие. Весьма дельно-с! И слог хорош, и мысль куда как резва. Словом, рекомендую.

«Мишель, Мишель», – силился вспомнить Данилов. Имя поручика представлялось небезызвестным. Должно быть, сей повелитель рифм также находится под колпаком Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

– Чертовы кровососы! – возмутился петербуржец, прихлопнув на себе очередное насекомое. – Интересно, чем они питаются в этих лесах, когда не удастся подкрепиться жандармом?

– Известно чем, ваш бродь, – подал голос, скачущий позади фельдфебель. – Нашим армейским братом. Казаков-то ни одна гадость не берет. Ни москиты, ни змеи. Черкесские шашки, и те брезгают-с!

Слышавшие шутку солдаты и казаки дружно рассмеялись. Офицеры ограничились сдержанными улыбками.

– Твои бы слова да Богу в уши, Тимофей Петрович! – с преувеличенным весельем подхватил подьесаул, странно держащийся в седле. Он выглядел так, словно в первый раз влез на лошадь.

С самого раннего утра, пока не установились крепкие жары, небольшой отряд, состоявший из двух десятков всадников регулярной кавалерии и казачьей полусотни, выдвинулся из

укрепления в сторону лесистого горного склона. Туда, где над желтеющими от солнца дубравами нависал знаменитый «Камень».

– Ваше благородие, насчет комариков не извольте беспокоиться, мы почти на месте, – заметил Гнедич. – Пересечем ручей, их сразу поубавится. Затем с четверть часа вверх по тропинке, и все, считай, прибыли-с.

– Спасибо, что согласились сопроводить меня на место гибели Владимира Михайловича. Вы оказываете следствию поистине неопределимую услугу! – сказал штаб-ротмистр и, в который раз, с беспокойством обернулся проверить, исправно ли приторочен к седлу сверток. Повязанный веревкой куль из рогожи вел себя в высшей степени безукоризненно. Мирно покачивался в такт движению и падать под копыта, кажется, не собирался.

Внушительная должность и беспрестанно напоминающий о ней светло-синий мундир послужили молодому человеку надежной защитой от расспросов о содержании поклажи или, того пуще, от колкостей и острот. Где там спрашивать, лишний раз глазеть забывали!

– Право, не стоит благодарностей, Евгений Николаевич. Однако позвольте поинтересоваться, что станем делать по прибытию-с?

– Увидите, – отрезал Данилов, постаравшись подпустить в голос стальных интонаций. Он во что бы то ни стало пытался сохранить за собой амплуа человека решительного, со счастливой звездой.

Несколько дней назад решительность штаб-ротмистра, велевшего повернуть коляску и вернуться в анатомический театр господина Струве, принесла плоды. Благодаря сему маневру удалось установить, что поручик Карачинский убит русской пулей, притом, судя по пороховым ожогам, выстрелом, произведенным с близкого расстояния. Подобные обстоятельства меняли решительно все. Вышло, что командир Александровского укрепления не был случайно сражен в перестрелке с мюридами, а стал жертвой преднамеренного преступления.

Слава Богу, присланный из Петербурга начальник, жандармского корпуса майор Шлиппенбах, с благосклонностью царя Соломона принял позицию своего нового (и почти единственного) подчиненного. Освободил от рутины, дозволив полностью сосредоточиться на расследовании. Единственное, о чем тревожился Евгений Николаевич, не вернет ли его высокое руководство на место, в душный и тесный кабинет, едва осознав истинный объем бумажной волокиты. Впрочем, до сих пор этаких распоряжений не поступало.

Окрыленный настоящим делом, Данилов, дав себе зарок впредь неукоснительно слушать внутренний голос и всегда стоять на своем, организовал небольшую экспедицию на место преступления. Туда и двигался ныне отряд под предводительством новоиспеченного коменданта.

Впрочем, нашелся человек, критически отнесшийся к мысли о невозможности использования горцами пули русского образца. Им оказался фельдфебель Некрасов – непосредственный участник событий.

По мнению многоопытного Тимофея Петровича, хищники с завидной регулярностью используют трофейное оружие и боеприпасы. Притом, по уверениям бывалого служаки, подбратиться к врагу и выстрелить в упор для некоторых из них не составит слишком уж большого труда.

– Имеются среди нехристей своего рода пластуны, точь-в-точь такие, как у наших казаков. Их называют псыхадзэ. Они тебе и подкрадутся, и бабахнут, коли надо. На все руки мастера!

– В ваши рассуждения, Некрасов, закралась ошибка. Небольшая, но оттого не менее досадная, – штаб-ротмистр позволил себе снисходительную улыбку. – Посудите сами, станет ли настолько ловкий и предприимчивый *saboteur*¹⁴ бабахать, если можно воспользоваться кин-

¹⁴ Саботажник (англ.)

жалом. Сей способ умерщвления представляется вашему покорному слуге наиболее приемлемым с точки зрения скрытности. А в этом и есть вся штукавина.

– Их благородие дело говорит! – встрял с замечанием казачий подъесаул. – В таком деле ножом оно и впрямь сподручней. Чик, и готово!

Жандарм засиял, точно отполированная кираса лейб-гвардии кавалергардского полка. Поддержка воинственного станичника оказалась неожиданно приятной. Лестно, когда твои исключительно теоретические умозаключения находят подтверждение в устах опытных практиков.

– Стой! Никак прибыли, ваше благородие!

Евгений Николаевич с любопытством огляделся. Заросший кустарником каменистый гребень. Всюду деревья, одно выше другого. Теплые утренние лучи играючи скользят по листве, прыгают среди ветвей, лениво колымаемы ветром. Так ярко и весело, что кажется, остаться бы тут навеки.

«В каком-то смысле Карачинский так и поступил, пусть и не по своей воле», – подумал штаб-ротмистр, а вслух спросил:

– Это тот самый овражек?

– Овражек и есть. Извольте убедиться, вон там тянется долгая и широкая колея. Не Бог весть, какая впадина, но схорониться от пули, пожалуй, в самый раз.

– Спасибо, Георгий Осипович, – петербуржец с видимым облегчением спешился. Как видно, путешествия верхом были ему не особенно обольстительны. Кабинетная работа неизбежно накладывала губительный отпечаток даже на самых молодых и сильных. К своему возрасту Данилов начал едва заметно полнеть. Год, много два, и капитулировавший организм начнет выкидывать неприятные фортели.

– Притомились, Евгений Николаевич? – добродушно поинтересовался Гнедич.

– Пустяки. Немного непривычно и только. Не каждый день, знаете ли, выпадает подниматься в горы.

– Полноте! Это еще не горы, а так-с. Помню, о прошлый год взбирались с Владимиром Михайловичем к самым вершинам. Вот где дорога в небо! Телеги не пройдут, да и лошадьми не всегда можно...

– Так где, говорите, обнаружили тело покойного коменданта?

– В самом конце овражка, у Вороньего камня. Фельдфебель, будьте любезны, покажите господину Данилову.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Евгений Николаевич придержал ретивого служаку за рукав шинели:

– Мне бы, братец, ружьишком одолжиться.

– Каким ружьишком? – не понял Некрасов.

– Самым что ни на есть обыкновенным. Образца 1808 года. Найдется такое?

Фельдфебель обрадованно закивал:

– А как же, ваш бродь! Сыщется, коли надо!

– Что вы задумали, господин штаб-ротмистр? – поинтересовался Гнедич, по-прежнему не покидая седла.

– Небольшой следственный эксперимент, Георгий Осипович.

– Стрелять собираетесь? – снова вмешался подъесаул, которого, в общем-то, никто ни о чем не спрашивал. – Я бы не посоветовал, ваше благородие. Больно тихо. Птицы не поют. Неладно на душе. Дозвольте, Георгий Осипович, погулять?

– Дозволю, Никита Прохорович. Ступай с Богом, – комендант мелко перекрестил бесшумно скрывшегося в зарослях казака, и не подумавшего дожидаться одобрения. Знал шельма, за доблесть ему от начальства многое простится. Наверно, знал.

Беспокойно озираясь, Гнедич предпринял, было, робкую попытку, если не предварить затею жандармского обер-офицера, то хотя бы ее отсрочить до возвращения пластуна. И, разумеется, не преуспел. Памятуя о зароке, Данилов успокоительно сделал рукой:

– Да бросьте, Гнедич! Что может случиться? Подозреваете новый капкан хищников? Ерунда! Как часто случаются нападения на разьезды? Один раз в месяц? Не беспокойтесь, у абреков вышел положенный лимит.

– Так-то оно так, ваше благородие! Однако я убежден, что основания для опасений все же наличествуют. Видите ли, подьесаул...

– Померещилось вашему подьесаулу, померещилось! – отрезал Евгений Николаевич и, не глядя ни вправо, ни влево, прошептал к своей кобыле. Потянул узел на свертке, и рогожка полетела наземь. В руках петербуржца оказалось облаченное в старый бушлат и спи-санный головной убор соломенное чучело весьма приличной работы.

Брови подпоручика поползли вверх:

– Кто этот ваш маленький друг?

– Это, Георгий Осипович, реквизит для проведения упомянутого мной эксперимента, – не без смущения ответил молодой человек.

В эту минуту из-за спин любопытствующих солдат возник фельдфебель Некрасов и с широкой улыбкой протянул жандарму ружье:

– Вот-с, ваше благородие!

– Заряжено?

– В лучшем виде!

Благодарно кивнув, Евгений Николаевич перекинул оружие через плечо, подхватил чучело-реквизит и с показной уверенностью приказал:

– Веди, Некрасов. К этому вашему Птичьему гнезду.

– Так точно! – браво откликнулся фельдфебель, не посмев поправить начальство.

– Па-па-па-па-па-па-па... – пропыхтел под нос комендант Гнедич, смешно раздувая круглые щеки, и, по своему обыкновению, осенил уходящих крестным знамением.

Благозвучное, до некоторой степени обладающее мистическим флером, прозвание местной достопримечательности (Вороний камень – звучит!) себя совершенно не оправдало. На самом краю изрытой горными водами канавы громоздилась невеликая кучка пустой породы, увенчанная птичьим пометом и лишайником. Данилов брезгливо опустился на корточки у самой груды булыжников и засопел, пытаясь пристроить на дно овражка своего соломенного помощника.

Фельдфебель, внимательно наблюдавший за странной сценой, промычал что-то невразумительное и печально вздохнул. Мол, все верно, ваше благородие, труп Владимира Михайловича был найден именно здесь.

Минуту спустя жандарм вскарабкался на природный бруствер и, не обращая внимания на заляпанные грязью сапоги, двинулся вперед, вверх по склону. Туда, откуда в роковой час горцы вели по русскому разьезду огонь. Предположительно.

Остановившись у кромки непроходимого кустарника, о чем наименовании не сведущий по части биологии Данилов даже не догадывался, молодой петербуржец, не торопясь, развернулся и приставил ладонь ко лбу, силясь разглядеть оставленный на линии огня немудрящий манекен.

С шумом ломая валежник, пыхтя и поминутно матерясь, к штаб-ротмистру приблизился Гнедич. За ним семенил фельдфебель, готовый, в случае чего, грудью встать на защиту высокого начальства.

– Любопытство не позволило мне остаться в стороне, Евгений Николаевич. Не возража-ете, ежели я стану присутствовать?

– Нисколько, ваше благородие! Так даже правильной с процессуальной точки. Смею ли я надеяться, что после вы будете столь любезны и подпишите протокол?

– Разумеется, разумеется! Но позвольте, господин Данилов, а где же ваша мишень?

– То-то и оно, Георгий Осипович! – штаб-ротмистр торжествующе воздел в ясное небо указательный палец. – Отсюда чучело почти не видно.

– Почти?

– Точно так-с! Извольте убедиться? Вон там, видите, торчит край фуражки?

– Справа от самого... эмм... запятанного камня? Кажется, вижу-с!

Данилов улыбнулся:

– А теперь позвольте продемонстрировать вам верность моих логических выкладок.

Заученным движением петербуржец опустил на одно колено, скрупулезно следуя науке, преподаваемой в военном училище, вскинул ружье, притом именно такое, каковым из соображений экономии обыкновенно вооружали юнкеров, и, приложившись щекой к потертому прикладу, нажал на спусковой крючок. Рокот выстрела эхом пронесся над горой. Пространство между стрелком и его целью тотчас заволочло белым непроницаемым дымом.

– Ну, что там? – дышал в затылок подпоручик.

– Не пойму. Вернемся, посмотрим поближе? – предложил Данилов.

Вскоре все трое склонились над оврагом. Жандармский реквизит (целый и вполне себе невредимый) весьма невежливо ухмылялся криво нарисованным ртом.

Фельдфебель присвистнул, указывая на свежую выщерблину, зиявшую посреди камня:

– Батюшки мои! Горазды же вы, господин обер-офицер, пули метать!

– Пустое, Некрасов. Сей результат нельзя считать удовлетворительным. Что и требовалось доказать!

– Пожалуй, вы правы, Евгений Николаевич, – протирая платочком огромную залысину, заметил Гнедич. – Не скажу, впрочем, что такой выстрел совершенно уж невозможен. Ежели вооружиться, скажем, добрым английским штуцером да с новомодной пулей.

– Именно! – хлопнул в ладоши Данилов. – Наша гладкоствольная старушка с такой задачей попросту не совладеет. Какой из всего этого следует вывод?

– Если Карачинского убили из ружья 1808 года, что вероятней всего и произошло, судя по извлеченному заряду, то непременно с близкого расстояния.

– Верно! Разумеется, версию Тимофея Петровича об участии в деле вероломных псыхадзэ вовсе уж отместить нельзя. Теоретически такой ход событий, хоть и маловероятен, но все-таки возможен. Впрочем, тут следствие заходит в тупик до следующих сходных случаев. Свидетелей-то нет. Кстати сказать, как вышло, что подле Владимира Михайловича в смертный час не оказалось ни одной живой души?

Комендант вздохнул, он, казалось, и сам не единожды задавал себе этот вопрос:

– До сих пор диву даюсь, ваше благородие! Обычно рядом с поручиком всегда крутился этот башибузук Лебедев.

– Почему башибузук? – удивился Данилов.

– Да потому, что Николай Юрьевич тот еще любитель одеваться по туземному. Папаха, бурка с газырями. Чистый абрек.

– Вот как? – жандарм почесал подбородок и вдруг спросил невпопад: – Интересно, вернулся ли подьесаул?

Ответом послужил сухой шелчок взводимого курка, подхваченный где-то неподалеку и донесенный до слуха офицеров свежим горным ветром. Следуя предписанной инструкции, фельдфебель дернулся было в сторону подпоручика, повалиться на землю, прикрыть собой. Поздно! Пуля предвосхитила движение пожилого служаки и со свистом впиалась ему в шею, обдав стоявших рядом мужчин бисером горячих капель.

– Некрасов! – только и успел воскликнуть комендант Александровской крепости и через миг уже оказался на дне злосчастного овражка, придавленный штаб-ротмистром.

– Ложись, ваше благородие, засада! Солдаты, ко мне!

Нужно отдать должное выучке ветеранов Кавказской линии. Подлесок немедленно пришел в движение. Послышались команды унтеров, топот многочисленных ног, треск ломаемых кустов, крики: «За мной, касатики!», «Шевелись, едрена мать!»

Стараясь не слишком приподнимать голову, Данилов извернулся в попытке взглянуть назад, туда, откуда, по его мнению, стреляли. Взгляд услужливо уперся в неживое лицо Тимофея Петровича. Седой ус перепачкан пылью и кровью, глаза выкатились из орбит. Фельдфебель, точно силился произнести: «Надо же, какая оказия вышла, ваше благородие».

«Вот тебе и зарок, – мысленно попрекнул себя Евгений Николаевич. – По твоей вине сегодня погиб хороший человек».

Глава пятая

«Хороший человек Шлиппенбах, – думал Евгений Николаевич, вышагивая по неприлично прямой для русских городов улочке Пятиводска. – Бог мне его послал».

Новый жандармский начальник выслушал доклад об утреннем происшествии с удивительным спокойствием, достойным последователей древнеримских стоических школ. Точно он Луций Анней Сенека, а не служащий политической полиции. Данилов ожидал чего угодно, вплоть до отстранения от дела и строжайшего повеления возвратиться к рутине, но Антон Бенедиктович распорядился иначе. Приказал во что бы то ни стало продолжать расследование и даже позволил себе в отношении штаб-ротмистра скупую похвалу, дескать, следственный эксперимент объективно продемонстрировал уголовную составляющую по делу господина Карачинского, а стало быть, результат оправдал ожидания. Смерть фельдфебеля, разумеется, – событие во всех отношениях печальное и даже прискорбное, но такова солдатская доля – умирать на войне. Ничего не попишешь.

– У Некрасова своя работа, а у вас, Евгений Николаевич, – *своя!* Ступайте и найдите мне настоящего убийцу.

«Так-то оно так, – вздыхал молодой человек, рассеяно козыряя встречным офицерам, – но все одно вышло очень даже нехорошо. Излишняя самоуверенность обернулась трагедией. Нельзя было стрелять, не дождавшись из разведки казачьего подьесаула».

Отправляясь к вдове коменданта Карачинского, Данилов решительно отказался от услуг прикомандированного к конторе младшего сотрудника. Извозчика тоже брать не стал. Лишняя поездка – казне прямой убыток.

Следовало привести мысли и чувства в порядок. Пешая прогулка способствует сему занятию несколько больше, нежели быстрая (городок-то, в сущности, невелик!) доставка до места экипажем.

И потом, шефу, как велел именовать себя Антон Бенедиктович, предстояло вскорости отправиться на суаре к Анне Владимировне Воробьевой – сорокалетней купеческой вдове, содержащей в Пятиводске все или почти все приличные гостиницы, рестораны и даже бильярд. Сошедшись с князем Платоновым, женщина еще более укрепила свое влияние в свете и преисполнилась такого достоинства, что всякий генерал по прибытии в город непременно удостаивал ее визитом вежливости. Вот и Шлиппенбах решил не уклоняться положенного ритуала и с благодарностью принял приглашение на вечер. Конечно, ему следовало (хотя бы из любопытства!) туда прибыть, и крайне желательно – в коляске. Не дело господину столь высокого ранга и положения являться на праздник на своих двоих. Право, несолидно.

На том и разошлись. Шлиппенбах заторопился на съемное жилье начищать парадный мундир, Данилов – к госпоже Карачинской за показаниями.

Дом юной вдовы (вообще-то супругу покойного Владимира Михайловича штаб-ротмистр ни разу не видел, но отчего-то совершенно уверился, будто она молодая) приютился, можно сказать, на выселках. У подножья седой горы. И хотя вид, открывающийся отсюда на Пятиводск, являл собой мечту всякого пейзажиста – хоть сейчас на холст, жилище покойного коменданта никак не могло претендовать на звание изысканного бельведера. То было скромное, но весьма добротное строение, с собственным палисадом и колодцем. А что еще нужно для покойной семейной жизни?!

Заглянув в записную книжицу (подарок новоприбывшего начальства: хрустящие странички, переплет бычьей кожи – загляденье!), Евгений Николаевич приосанился и загрохотал сапогами по деревянному крыльцу. Постучал. Деликатно, но весьма решительно.

Распахнутые по летнему времени ставни немедленно притворились. За дверью послышалась возня, раздался зычный бабий голос:

– Чего опять? Ходят-бродят, в окошки подглядывают! Бесстыдники! Никакого от вас барыне покою нет! Вот сейчас кипятком плесну, ждате не стану.

Как и следовало предполагать, на пороге возникла горничная – чепчик, передник, румяные щеки и пыливый, непочтительный взгляд:

– Что угодно господину офицеру?

– Здесь ли жительствоует Наталья Петровна Карачинская? – спросил жандарм и на всякий случай отпрянул, демонстрируя серьезное отношение к угрозе немедленного ошпаривания.

– Прошу покамест обождать в гостиной, ваше превосходительство, – буркнула служанка, пряча неистребимое женское любопытство под маской радушия.

Оказавшись в устланной разноцветными половичками комнате, Данилов сдернул фуражку, зубами стянул перчатку и, отыскав глазами образок Спиридона Тримифунтского, размашисто перекрестился. Под узорной лавкой вспыхнуло и тут же погасло два изумрудных огонька.

«Кошка, – подумал молодой человек и грустно вздохнул. – Должно быть, совсем недавно здесь царил домашний уют, олицетворением которого является сей грациозный зверь. Один предательский выстрел перечеркнул все».

Петербургец проводил взглядом исчезнувшую в смежных покоях сенную девку и приготовился произнести заранее заготовленные слова соболезнования.

Ожидание затягивалось. Минуты праздности дались молодому человеку нелегко. Какое-то время он смиренно постоял у входа, затем, заложив руки за спину, разок-другой проществовал от стены к стене и, вконец распоясавшись, принялся своевольничать – спасаясь от духоты, наново отворил окно.

Карачинская объявилась не менее чем через четверть часа. Вихрем ворвалась в помещение и рассыпалась в пространных извинениях:

– Простите, что замешкалась, сударь! Признаться, вы застигли меня врасплох. Прасковья держит гардероб в совершенно диком состоянии. В наше время до чрезвычайности сложно найти сносную прислугу. Впрочем, капустные пироги у бестолковой девки всякий раз выходят первостатейные! Да вы присаживайтесь, присаживайтесь. Мурка, брысь! Соседская. Не угодно ли кваску? Свежайший!

– Нет, нет! – запротестовал Евгений Николаевич и уселся на предложенную скамеечку, стараясь при этом не отдавить хвост любознательному и одновременно трусливому созданию. Однако неудобство длилось недолго. Сабельные ножны весело чиркнули по полу, и кошка незамедлительно ретировалась.

Барышня произвела на него самое благоприятное впечатление. Высокий, умный лоб, грамотно оттененный замысловатой прической. Новомодное пюсовое платье: юбка в пол, четко выраженная талия, полное отсутствие набивших оскомину рукавов-буфов. Наряд выгодно подчеркивал фигуру, и не был перегружен деталями, в пике уходящему ампиру тридцатых годов.

Велев служанке не мешать, Наталья Петровна осторожно опустилась на старый, но не утративший шарма кривоногий пуф и бросила на посетителя выжидательный взгляд. Выкладывайте, дескать, зачем пожаловали!

Чиновник политической полиции откашлялся и молодцевато отчеканил заученное:

– Жандармского корпуса штаб-ротмистр Данилов, Евгений Николаевич. Разрешите, мадам, принести глубочайшие соболезнования по случаю безвременной кончины вашего супруга. От лица Третьего отделения и государя-императора. И разумеется, от меня лично.

Вдова не дернула ни единым мускулом, застыв, точно изваяние. Видно, еще не привыкла к изъявлениям скорби и своему новому безотрадному статусу.

– В партикулярном качестве!.. – зачем-то добавил молодой человек и снова вздохнул.

– Благодарю вас, штаб-ротмистр, – вежливо и, кажется, без особого трепета ответила девушка, помогая офицеру поскорее проскочить трудное место.

– Мне поручено расследовать убийство... простите... дело вашего мужа. Посему, позвольте задать вам несколько формальных, но, увы, обязательных при сложившихся обстоятельствах вопросов.

– Извольте, сударь. Порядок есть порядок!

Данилов приподнял бровь, изумляясь самообладанию Натальи Петровны, которое невозможно было заподозрить в словоохотливой барышне, выпорхнувшей из соседней комнаты всего минуту назад. Впрочем, что удивляться, некоторые люди, испытывая удары судьбы, не расклеиваются, а наоборот, сжимаются пружиной, черствеют душой. Порой навсегда. Видно, сочувствие обернулось ключиком, запершим чувства женщины на некий незримый замок. Бровь вернулась на место.

Покосившись на записную книжку, в коей начинающий следователь наскоро отметил интересующие его вопросы, Евгений Николаевич спросил о другом:

– Скажите, сударыня, о каких бесстыдниках толковала ваша горничная, отпирая мне дверь?

Карачинская разом утратила хладнокровие и отвела взгляд. Ответила со смущенной улыбкой:

– Не обращайтесь внимания, господин штаб-ротмистр. Это так... недоразумение. Почти каждую ночь напротив окна моей опочивальни объявляется таинственный наблюдатель. Мужчина.

– Вот как? И кто же он?

– Сама не знаю. Он безмолвно стоит в отдалении, под тополком. Должно быть, полагает себя незаметным. Впрочем, я и правда не сразу обратила внимание. Думала, игра теней.

– Но для чего? Что ему нужно?

– Из романтических видов, – девушка пожала хрупкими плечиками и тотчас запунцовела.

– Вы это наверно знаете? – уточнил Данилов более для полемики, нежели всерьез. Он и сам был убежден, что дело обстоит именно так. Зачем еще мужчине подглядывать за столь молодой и привлекательной особой?

– Наверно. Вчера я не выдержала и отправилась на место, где он обыкновенно торчит. Поглядеть, какая оттуда простирается панорама. Спасают ли от нежелательных взглядов шторы, понимаете? Так вот... на древесном стволе, аккуратно напротив глаз, очищена кора и ножиком вырезаны мои инициалы «Н. П.».

– Разумеется, в ореоле сердца?

Хозяйка предпочла сделать вид, будто интересуется складками платья. Молодой человек понял, предположение верно.

– И давно, позвольте узнать, продолжают эти гляделки?

– Точно не скажу.

– Прошу вас, вспомните. Это может быть очень важно! Когда впервые объявился ваш, с позволения сказать, воздыхатель? *До* гибели Владимира Михайловича или *после*?

– Говорю же, не помню! Кажется, *до*, – вдова по-детски надула губки. – Сколько в действительности продолжается сие безумство, сказать не могу! И никакой он не воздыхатель!

– Хорошо. Зайдем с противоположной стороны, – задумчиво протянул Данилов, не обратив ни малейшего внимания на демонстрацию обиды. – Скажите, были ли у вашего супруга враги?

– Вы полагаете, что мужа убили *нарочно*?

– На войне со всеми поступают именно так, сударыня. Пожалуйста, ответьте на заданный вопрос. Кто мог желать смерти господину поручику?

– Ах, помилуйте! Здесь, на Кавказе, любой уважающий себя туземец почитает за счастье раздобыть голову русского офицера. Это угадывается по сердитым взглядам. К дамам, впрочем, отношение самое почтительное. Сие тоже видно.

– Я, Наталья Петровна, говорю вовсе не об абреках. Меня интересуют свои.

– Свои?! Статские или военные?..

– И те, и другие.

Карачинская смешно наморщила лоб, силясь вспомнить хоть кого-нибудь, кто маломальски подошел бы на роль супостата. И, как видно, не преуспела:

– Нет, у мужа не было недоброжелателей.

Возмущенно скрипнула дверь, из образовавшегося проема выглянула давешняя служанка:

– Ну, как же нетути, барыня! А кровопийца ентот! Тот, который на купчихе Воробьевой женился. Как, бишь, его? Князь Гвидон? Платон?

– Его сиятельство Платонов? – не то спросил, не то подсказал штаб-ротмистр.

– Они самые и есть! Змий он, а не сиятельство, прости Царица Небесная. Кровопийца, как есть! Барин с ним о прошлую Пасху повздорили...

Неудержимый словесный поток был прерван строгим замечанием Натальи Петровны:

– Прасковья!

Створка без промедлений захлопнулась. Настала пора Данилову бросать на хозяйку вопросительные взгляды. Вдова виновато развела руками:

– Прошу извинить, Евгений Николаевич. Я, признаться, о том случае и думать забыла. Верно. Владимир Михайлович минувшей весной имел некоторый конфликт с господином Платоновым. Дело в том, что сей неприятный субъект с некоторых пор захватил в Пятиводске власть по части гостиничного проживания. Вам, вне всяких сомнений, известно, что все, так или иначе, пригодные для жительства номера принадлежат в этом городе Анне Владимировне Воробьевой.

Петербургец важно покивал, дескать, знаю-знаю и внимательно слушаю, продолжайте. Молодая женщина взглянула на висящие почти под самым потолком маятниковые часы и едва заметно ускорила речь:

– А где Воробьева, там, считай, и Платонов! Муж имел с ним пренеприятный разговор касемо проблем размещения на постой унтер-офицеров, прибывающих в Пятиводск на воды. Кому положено после госпиталя согласно предписанию полкового врача.

– Не сыскалось свободных апартаментов?

– Именно! В заведениях средней руки вовсе отсутствовали места, а в гостиницах более презентабельного толка – цены такие, что голова кругом. Платонов задрал стоимость до небес! Все ему мало, никак не насытится. Оттого Володя... прошу прощения... Владимир Михайлович с ним и поругался. Закончилось тем, что унтеров разобрали по частным домам. Обеспечили постелью и табльдотом. Конфликт с князем едва не завершился дуэлью, однако в итоге стороны примирились.

– Примирились, сударыня?

– Боюсь, мне не известны подробности, – ответила вдова и украдкой посмотрела в окно. – Муж не рассказывал, я же не смела настаивать. Его тайна. Все это их, мальчишеские, дела.

Данилов нахмурился. Ему не доводилось прежде встречать влюбленную женщину, не проявляющую интереса в отношении дел собственного супруга. Особенно, когда речь заходит о ссорах и сатисфакциях. Если только... дама влюблена по-настоящему.

«Тут два варианта, – поразмыслил жандармский обер-офицер. – Либо очаровательная Наталья Петровна что-то не договаривает. Либо их отношения с безвременно почившим супругом были не столь уж идиллическими... И что это она все время поглядывает то на часы, то в окошко? Назначила кому-то встречу?»

Выяснить это можно только одним способом – поскорее *уйти*! Задерживаться ни в коем случае нельзя, иначе дама упустит время и останется дома. А что если все наоборот и *некто* должен явиться к ней сам? Может, все-таки не торопиться? Нет! В таком случае придется удовольствоваться лишь созерцанием гостя. Послушать, о чем говорят, уже не удастся.

Петербургец машинально перехватил взгляд Карачинской. За занавесками смутно угадывались силуэты садовых деревьев, на них покойно шуршала листва, приводимая в движение могучим дыханием близкой горы. Кажется, окно выходило на палисадник. Весьма удачное стечение обстоятельств. Вот где можно без труда затаиться и, оставаясь незримым, слышать каждый звук!

Евгений Николаевич мысленно перебрал не заданные вопросы. Отсеял лишние. К примеру, невзирая на строгое предписание инструкции ведения допроса, разработанной нарочно для чинов полевой жандармерии, совершенно не имело смысла уточнять местонахождение девушки в момент убийства. Решительно невозможно представить себе Наталью Петровну, продирающуюся сквозь заросли с ружьем наперевес! Если и считать ее фигурантом, то непременно следует основываться на предположении об участии в деле неких посредников или, если угодно, исполнителей. Уж не *их* ли поджидает наша красавица?!

Юный сыщик поднялся и водрузил поверх русой головы форменный головной убор, обозначив намерение откланяться. Обвел зажатой в ладони перчаткой пространство вокруг себя и как бы между прочим поинтересовался:

– Надо полагать, поручик передал вам сию латифундию в наследство?

– Что вы! Владимир Михайлович не успел выкупить дом. Оставил после себя только и исключительно долги. Если пожелаете, можете ознакомиться с его бумагами и закладными у душеприказчика. Я пришлю вам адрес.

– Окажите милость, мадам. Засим позвольте пожелать вам доброго вечера. Благодарю за уделенное время.

Женщина окликнула его на самом пороге:

– Евгений Николаевич!

– Да?

– Я рада... рада, что смогла оказать следствию посильную помощь.

Штаб-ротмистр по-военному щелкнул каблуками и коротко поклонившись, сбежал с крыльца, сопровождая свой уход противным скрипом разошедшихся половиц. Спустя краткий миг о нем напоминало лишь легкое покачивание вишневой ветви, по случайности задетой плечом.

Глава шестая

– Плечом, попробуй наддать плечом! – посоветовала Наталья Петровна, рассеянно наблюдая за тщетными попытками горничной притворить дверь.

Отсутствие в доме мужчины немедленно повлекло проблемы, о существовании которых Карачинская прежде и не задумывалась. Покосился входной проем, заскрипело крыльцо, колодезное ведро отвязалось и грохнулось в студеную черную воду. Забор, ограждающий палисадник, так и остался неокрашенным. Пришлось Прасковье самой браться за кисти, мешать краску.

«Разреветься бы, – подумала молодая вдова, снова взглянув на часы, – да слез нет. Все вышли. И где, скажите на милость, носит этого Лебедева?!»

– Паруша, приготовь, что ли, чайку. И подай карты.

– Опять гадать станете? Зарекались ведь, барыня! Перед образами клялись...

– Неси, говорю! Не твоего ума дело, – ледяным тоном отрезала хозяйка, не обращая ни малейшего внимания на кислую физиономию служанки.

Настроение, надо сказать и без того не слишком-то бравурное, после беседы со штаб-ротмистром испортилось окончательно. Кажется, господину Данилову удалось заглянуть ей в самую душу и узреть там, нет, не зияющую рану, нанесенную потерей близкого человека, а... равнодушную пустоту. По всему видно, умный мужчина, хоть и жандарм.

С этой минуты Наталья Петровна поняла, что не в силах более скрывать простой и очень печальный факт: мужа она не любила. Никогда.

Вопреки фантазиям писателей любовных романов, признаться в этом самой себе было совершенно не трудно. Сия немудреная мысль пришла в очаровательную головку сразу после свадьбы. Нет, пожалуй, даже раньше...

В день, когда двадцатилетняя Наташа привела в отчий дом своего будущего супруга, маменька выгадала подходящий момент (после обеда мужчины отправились в курительную комнату) и напрямую спросила:

– Когда ты, наконец, найдешь настоящую любовь?

– Мама! – вспыхнула юная дева. – Как вы можете так говорить! Владимир Михайлович – мой избранник.

Мать покачала головой:

– Это слово слишком ответственное, дабы им столь легкомысленно разбрасываться. Я приму любого твоего кавалера, *Natalie*¹⁵. Но, поверь мне, господин Карачинский не в силах сделать тебя *счастливой*. Погляди на свое лицо. На нем будто маска. Истинная любовь срывает все покровы.

«Мама, мама, – вздохнула девушка, прислушиваясь к пению птиц за окном. – Как вы были правы!»

В глубине души Наталья Петровна винила во всем подружку – Леночку Мордвинову, дальнюю родственницу знаменитого сенатора. Боже, как она носилась со своим конногвардейцем! Сияла, благоухала!

Нужно ли говорить, оставаясь ревнивым наблюдателем за чужим благополучием, Натали едва не сошла с ума. Природная мечтательность и девичье томление сыграли с ней весьма дурную шутку. Встретив Карачинского, барышня немедленно придумала себе идеального мужчину, наделила его всевозможными достоинствами, заставила себя влюбиться и в итоге, весьма, надо заметить, закономерном, вышла замуж.

¹⁵ Наталья (фр.)

Что же принес ей этот брак? Семейную идиллию? Как бы не так! Удары фатума посыпались со всех сторон. Судьба одарила ее особенным пристрастием, не скупясь на испытания и страдания.

Вместо того чтобы, по примеру все того же жениха Мордвиновой, угодить в гвардию, новоиспеченный супруг получил назначение на Кавказ. В действующую армию. Был приписан к штабу генерала от инфантерии Головнина и в первый же год службы чем-то изрядно отличился. Казалось бы, вот она, птица счастья! Лови ее за хвост и сажай в клетку! Не тут-то было...

Полоумный муженек выпросил себе в награду должность коменданта возведенного на Сулаке укрепления «Александровское». Мало того, что должность, мягко говоря, оказалась пустышкой, поскольку не сулила ни денег, ни положения в обществе, так Карачинский вскоре выкинул новый фортель: геройски погиб! Ну кто его просил самолично участвовать в опасных разведывательных рейдах?

И что теперь, спрашивается, делать до обидного рано овдовевшей женщине, оставшейся в чужом и враждебном краю без поддержки семьи, без крыши над головой (домик содержался на казенные деньги), да и вообще, можно сказать, без средств к существованию? Правильно, только гадать! Гадать, что будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.